

Синдаровский, Мамрак и Гавриленко попали на скамью подсудимых, в Адыгейский облсуд, приговорил Синдаровского и Мамрака к высшей мере наказания, а Гавриленко к 5-ти годам заключения.

После вынесения приговора, главной задачей группы, оставшейся на свободе, стало — спасти Синдаровского и Мамрака. Вновь используются старые способы работы. Печатаются обращения к учащейся молодежи с призывом устройства массовой демонстрации протеста, собираются подписи. Членами организации устраиваются собрания и нелегальные сходки в некоторых школах 2-й ступени и ВУЗ'ах.

Самим Синдаровским из исправдома, также пишется обращение к студенческой молодежи Краснодара.

Одним словом, организации решила повести за собой всю учащуюся молодежь.

В момент разгара работы группы, органами ГПУ и была раскрыта вся эта „контр-революционная“ организация.

Всего в организации состояло 22 человека. Дело о них слушается в Ростове в Красном суде.

„Достижение“ калмыцкой автономной области родного языка и письма.

К каждому слуху, исходящему из Родных Краев, мы прислушиваемся с большим вниманием; каждое так редко получаемое с Родины письмо прочитываем с величайшим интересом; как манна небесная ожидаем печатное слово из далекой родной степи, желая найти в нем хотя слабое отражение жизни наших собратьев „там“.

Интерес этот вполне естественен. Но, бывает досадно, когда в так редко получаемом печатном органе находишь слабое отражение жизни своего народа; еще более обидно, когда в печатном органе, именуемом себя калмыцким, находишь извращенное отражение калмыцкой жизни, видишь изуродованную калмыцкую душу.

Такою именно обиду и боль я чувствую сейчас. Передо мною номер газеты „Тангчин Зянга“ (Областное или Народное известие), выходящей в Астрахани, №39-1928 г.

И не знаешь: поражаться ли легкомыслию издателей, так коверкающих свой родной язык, или удивляться их наглости, с какой они обманывают свое партийное начальство, уверяя его, что издают калмыцкую газету, понятную калмыкам и приближающую их к „светлому учению социализма, коммунизма“.

Каково же впечатление от просмотра этой, с позволения сказать, „калмыцкой“ газеты?

Оно двойное: или ты, в силу продолжительного отрыва от родной массы, забыл свой язык, перестал быть калмыком, или же издатели газеты — большие шутники. К радости нашей, дальнейшее чтение подтверждает второе предположение.

Мне здесь хочется высказать свое мнение по поводу письма, языка и общего направления упомянутой выше газеты.

Не приобщенного к коммунизму калмыка газета эта поражает своим письмом, каким в ней изображаются калмыцкие слова, своим „калмыцким“ языком и тем, о чем она больше говорит.

Начнем с самого письма.

Нам, калмыкам-эмигрантам, давно было слышно, что в Калмыцкой Автономной Области идет борьба за изменение калмыцкого алфавита, что нашлись калмыки, своим умом дошедшие до того, что стали доказывать „несовершенство“ зая-ландитовского калмыцкого алфавита, который будто бы страшно „препятствовал“ им развиваться; эти же деятели доказывали (теперь видимо, окончательно „доказали“), что академическая русская транскрипция, изобретенная специалистами-филологами, тоже несовершенна, также „препятствует“ развитию калмыцкого народа.

Я — не филолог, а потому не могу судить о достоинствах или недостатках того или иного алфавита или транскрипции. Но я, как калмык в достаточной ме-

ре знающий свой родной язык, свое родное письмо, могу сказать одно: письмо, написанное зая-ландитовским алфавитом иначе никак нельзя было читать, как по-калмыцки; точно также человек, усвоивший академическую транскрипцию, письмо, написанное ею, не мог иначе читать, как по-калмыцки.

И то и другое совершенно точно передавало все звуки калмыцкого языка, точно соблюдало свойственную природе калмыцкого языка „гармонию гласных“ и т. д.

Теперь перед нами более „усовершенствованная“ транскрипция. В ней отброшены все средние певчие гласные звуки; совершенно отсутствует правило „гармонии гласных“: в одном слове совершенно свободно сочетаются гласные переднего и заднего порядка: обилие в словах букв. Например:

„Орчляг“ (мир), „Ендэг“ (повидимому, долженствующее изображать калмыцкое название Индии), „гардвр“ (только по смыслу целого абзаца можно догадываться, что это означает-руководитель), „арслнг“ (рубель) и т. д. Есть даже слова, состоящие из одних согласных, чего калмыцкий язык по своей природе не допускает, ибо, даже усваивая иностранное слово, калмыцкий язык, для удобства произношения, обязательно вставляет гласный звук там, где его нет в усваиваемом слове.

Для изображения звука, раньше передававшегося одним знаком теперь ввели двойной знак. Например: вместо а — яя, вместо о — ээ, вместо ю — юю и т. д., что совершенно не достигает своей цели, ибо не передает верно того звука, для которого они введены.

Неизбежно необходимый и калмыцком языке знак долготы совершенно отсутствует, без чего получается не чтение, а сплошная догадка. Все это до чрезвычайности затрудняет самый процесс чтения.

Например, без всякого ударения пишут „улси“, что можно понимать в силу отсутствия знака долготы, совершенно различно: людей или гор (родительный падеж, мн. ч.).

„Новое“ письмо, повидимому, не имеет никаких грамматических правил (буржуазные предрассудки?), а пишется как Бог на душу положит. Если их и имеет, то данная газета, повидимому, не считает их особенно важным соблюдать, ибо одни и те же слова в разных местах изображаются различно: „юэлин“ (дел), а через пять строк ниже то же самое слово изображается „юлин“ — уже одна гласная пропала.

Я не обращаю внимания на целый ряд совершенно невозможных изображений калмыцких слов, которых я отношу к несовершенству типографии и считаю опечатками. В противном случае было бы сплошное издевательство над своим языком.

Таково новое „усовершенствованное“ письмо!?

Но еще более удивительное явление — язык газеты.

Это что-то умопомрачительное: какое то уродливое, дубовое смешение тамбовского с рязанским. Кроме невозможной мешанины калмыцкого языка с русским, там есть совершенно в калмыцком языке недопустимые обороты речи, выражения. Например (беру наугад): „комсомолин нерен переса келжяннэв“, — „хошуда Шамба дерэ негэ в з ба-чпталньа бянн“.

Конечно, калмык догадаться может что это означает: первое предложение долженствует выразить „говорю от имени комсомольцев“, но никогда ни один калмык так не скажет. Это неправильный перевод русской фразы на калмыцкий язык (требуется вин. падеж). Если это же самое предложение перевести обратно на русский язык, то получится совершенная бессмыслица: говорю с вершины (стоя на комсомольских именах) комсомольских имен.

Это в роде того как калмыцкие дети, родившиеся за-границей, говоря по-калмыцки, буквально переводят русские фразы на калмыцкий язык. Так, русское выражение „играю на мандолине“ дети в разговоре употребляют в таком буквальном переводе: „мандолин дерэ начанав“, что по-калмыцки значит: играюсь (сидя или стоя на ней) на мандолине.

(Окончание следует).

Шайба Балинов.